

Исповедь врага народа

Confessions of an Enemy of the People

Владимир Викторович ФИЛАТОВ*

¹Владимирский государственный университет им. А. Г. И Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

* filatov47@bk.ru

Vladimir Viktorovich FILATOV*

¹ Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

* filatov47@bk.ru

Во всем мне хочется дойти до самой сути.

Б. Пастернак

Аннотация

В Советском Союзе в 1920–1930-е годы впервые в мире стали осуществлять планирование научных исследований и разработок в отраслевой науке. Выдающаяся роль в разработке методологических и теоретических проблем планирования научных исследований принадлежала Н. И. Бухарину. Для этого им в ВСНХ было создано научно-техническое управление, а когда ВСНХ было ликвидировано, то работой по планированию научных исследований стал заниматься Центральный научно-исследовательский сектор (ЦНИС) Наркомата тяжелой промышленности. На Урале в важнейшем промышленном центре индустриализации СССР вопросами организации планирования и развития отраслевой и академической науки занимался уроженец г. Полоцка Белорусской ССР Ф. П. Барсуков. В Свердловске им были созданы Уральский Дом Техники и геологическая выставка – будущий Уральский геологический музей. В 1937 г. Ф. П. Барсуков был репрессирован. Он умер в лагере в 1942 г.

Ключевые слова: планирование научных исследований в СССР, Н. И. Бухарин, Уральский дом техники, геологическая выставка, Ф. П. Барсуков.

Abstract

In the Soviet Union in the 1920s–1930s, for the first time in the world, they began to plan scientific research and development in branch science. An outstanding role in the development of methodological and theoretical problems of planning scientific research belonged to N. I. Bukharin. To do this, he created a scientific and technical department in the Supreme Council of National Economy, and when the Supreme Council of National Economy was liquidated, the Central Research Sector (CRS) of the People's Commissariat of Heavy Industry began to deal with the planning of scientific research. In the Urals, in the most important industrial center of the industrialization of the USSR, F. P. Barsukov, a native of the city of Polotsk, Byelorussian SSR, engaged in the organization of planning and development of industry and academic science. In Sverdlovsk, he created the Ural House of Technology and a geological exhibition - the future Ural Geological Museum. In 1937 F. P. Barsukov was repressed. He died in a detention camp in 1942.

Keywords: planning of scientific research in the USSR, N. I. Bukharin, Ural House of Technology, geological exhibition, F. P. Barsukov.

Введение

Много лет тому назад я, выпускник Свердловского горного института 1971 г. (с 2004 г. – Уральский государственный горный университет), был окрылен вопросами о том, почему, кем и каким образом создавался Уральский геологический музей. Почему-то до меня поисками ответов на эти вопросы никто основательно не занимался. Изучив не одну сотню документов, я написал книгу «История создания Уральского геологического музея» [1].

Был ли я удовлетворен ответами на интересовавшие меня вопросы, успокоен ими, обуздан? Да, но только отчасти. Узнав, как создавался музей, я, к сожалению, не смог получить ответы на два очень важных вопроса; во-первых, кто такой Федор Павлович Барсуков, собравший и возглавивший большой коллектив различных специалистов для создания Уральской геологической выставки, приуроченной к XVII сессии Международного геологического конгресса «в связи с тем, что 1937 г. является двадцатилетним юбилеем существования Советской власти» [2] (на базе этой выставки и был открыт в 1938 г. Уральский геологический музей); во-вто-

рых, почему работа по созданию выставки была как тяжелая ноша возложена на Уральский Дом Техники, а не на Свердловский горный институт или не на Уральский геологоразведочный трест? Ведь Дом Техники был всего лишь пропагандистско-просветительским учреждением, созданным для широкой пропаганды результатов научно-исследовательских работ, изобретений и стахановских методов работы в различных отраслях тяжелой промышленности, в том числе и в геологоразведке. Его сотрудники вряд ли были крупными специалистами в области геологии. Таковые были в Горном институте, в геологоразведочном тресте, в Уральском филиале АН СССР и в других учреждениях и организациях горно-геологического профиля.

Ответы на эти вопросы я получил спустя несколько лет после опубликования своей книги, изучая документы в Уральском государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО). В этом архиве отложились следственные дела уральцев, репрессированных в 1930–1950-е гг. Среди этих дел хранится и дело Ф. П. Барсукова.

В своей книге [1] я написал, что он был осужден за упущения в создании геологической выставки. Так следовало из имевшихся в моем распоряжении документов. Оказывается, не за них, а за совершенно другие «преступления». За какие?

14 ноября 1937 г. Федор Павлович передал через следователя, ведшего его дело, заявление в Управление уполномоченного НКВД по Свердловской области, в котором, в частности, писал, что «когда в связи с Международным геологическим конгрессом выявилась беспомощность Уралразведки (Уральского геологоразведочного треста. – В. Ф.) и Горного института организовать большую выставку по геологии и поискам ископаемых, я беру это большое политическое дело в Дом Техники, добиваюсь в центре специального решения, денег и помещения и обеспечиваю его осуществление» [3].

В трех словах этой фразы – «большое политическое дело» – и заключен ответ на вопрос о том, почему руководители Горного института и геологоразведочного треста расписались в беспомощности в организации геовыставки. Синонимом беспомощности в данном случае является слово «страх». Управляющий геологическим трестом В. А. Кандыба и директор Горного института И. П. Скороделов (И. П. Скороделов был репрессирован в 1936 г., расстрелян в 1938 г. – В. Ф.) побоялись взять на себя ответственность за исполнение такого «большого политического дела». Им повезло, Ф. П. Барсуков их выручил. Если бы он не проявил инициативу из каких-то своих соображений, ведь у каждого плута свои расчеты, а он имел полное право быть в этом деле сторонним наблюдателем, то им волей-неволей пришлось бы заниматься организацией геологической выставки по приказу свыше.

Федор Павлович был смел и решителен. Но это были смелость и решительность не отчаявшегося человека, уповающего на авось и не авантюриста, на знамени которого начертано «где наша не пропадала».

Фото 1. Ф. П. Барсуков. 1934 г.

Прежде чем взять «это большое политическое дело в Дом Техники», он все просчитал, убедившись, что, безусловно, выполнит его. Поручкой тому были его воля, целеустремленность, организаторский талант, знания и опыт. Коллеги советовали ему быть осторожным и не зарываться в служебном рвении. «Дидковский (Б. В. Дидковский – директор Уральского научно-исследовательского геологоразведочного института, в 1931–1935 гг. был начальником Уральского геологического управления; репрессирован в 1938 г. – В. Ф. [4]) в части организации выставки рекомендовал мне, – рассказывал Федор Павлович следователю на допросе 10 апреля, – ограничиться ... меньшим масштабом выставки ... увеличив сроки (её. – В. Ф.) организации ... в течение 3-х лет, тогда как эта работа будет 2-х лет в самом детальном плане, а в основном одного года» [5].

Выставка и была создана за год, даже чуть меньше. Последние четыре месяца коллеги Федора Павловича работали без него. Вряд ли до него доходили известия о том, как и с какими трудностями двигалось дело, толчок которому дал именно он. Следователя не интересовала геологическая выставка. Он терзал арестованного совершенно другими вопросами, и Федор Павлович вспомнил о ней в заявлении только чтобы хоть чуть-чуть облегчить тяжесть предъявленных ему обвинений. Каковы же они? И кто же такой Федор Павлович Барсуков (фото 1)? Прежде чем вы узнаете об этом, прочтите еще одно необходимое, по моему мнению, лирическое отступление.

В 1927 г. советский писатель Борис Андреевич Лавренев написал рассказ «Седьмой спутник» – романтизированную историю скоротечного свращения большевиками бывшего царского генерала, профессора права военно-юридической академии, называвшего всякую революцию «юридической новеллой»; историю, закончившуюся гибелью генерала, за мгновение до которой он попытался образно обосновать палачу – поручику армии Юденича – мотивы своего приятного отношения к большевистской революции, не надеясь, правда, что тот его поймет: «Когда огромное тело пролетает в мировом пространстве, – говорил генерал, – в его орбиту втягиваются малые тела, даже против их воли. Так появляется какой-нибудь седьмой спутник ...» [6].

Сколько было таких людей, как лавреневский генерал, миллионы – романтиков, идеалистов, честолюбцев, обманутых революцией, вдребезги ею разбитых, из которых она вила прочнейшие веревки, а из веревок делала петли и безжалостно затягивала их на шеях своих доверчивых «спутников». И если бы это были люди только простые, бесхитростные и неискушенные. Не только. Выдающийся английский писатель Бернард Шоу – мудрец и провидец – рукоплескал Октябрьской революции; побывав в 1931 г. в Москве, он искренне убеждал европейцев, что Советский Союз – это «земля надежды», а Европа – «мир безнадежности».

Говорят, понедельник день тяжелый, и порой отнюдь не в ироничном, а в самом что ни на есть трагичном смысле. Федора Павловича Барсукова арестовали именно в понедельник 29 марта 1937 г. Что это? Случайное совпадение? Или тонкий психологический

расчет того, кто, отдавая приказ об аресте, знал, что Барсуков не робок. Сломить волю к сопротивлению такого человека может только какая-нибудь обескураживающая неожиданность, которую сравнивают с ударом обухом по голове в тот момент, когда жертва наиболее уязвима.

Воскресные дни для Федора Павловича вряд ли были днями полноценного отдыха. Он жил один в двухуровневой квартире нового суперсовременного дома, построенного для сотрудников треста «Геопромурал» на северо-западном углу перекрестка улиц Малышева и Матроса Хохрякова (фото 2). Этот дом, состоящий из 4 корпусов, и сейчас обращает на себя внимание, особенно его первый корпус, выходящий фасадом на улицу Малышева. Дом проектировал модный в 1920–1930-е гг. архитектор Моисей Яковлевич Гинзбург, увлеченный идеями конструктивизма и функционализма, поклонник архитектурных принципов великого Ле Корбюзье. Все они и были воплощены Моисеем Яковлевичем в облике первого корпуса: дом частично стоял на открытых опорах, его фасад членили стеклянные полосы ленточных окон, плоская крыша была готова под разбивку сада, а внутренние помещения имели свободную планировку. От себя архитектор добавил для жильцов обобществленное коммунально-бытовое обслуживание, или, проще говоря, сознательно не предусмотрел в доме кухню. Тогдашние идеологи архитектуры полагали, что быт в жизни советского человека должен быть сведен на нет, он не должен ему мешать трудиться, ведь, как тогда пелось, «наш паровоз летит вперед», и ближайшая остановка намечена лишь в коммунизме. Занятого сверх меры работой Ф. П. Барсукова расположение его дома весьма устраивало, поскольку он находился всего в двух кварталах от здания, где создавалась геологическая выставка и в шести кварталах от Дома Промышленности, в котором располагался руководимый им Дом Техники.

Но квартира даже в таком доме не прельщала родных Федора Павловича. Они предпочли остаться в Москве и

жить в добротном, дореволюционной постройки, доме без архитектурных изысков на Никитском бульваре. Жена Елена Михайловна работала техническим секретарем в Наркомтяжпроме, мать Степанида Францевна вела домашнее хозяйство, младшая дочь Оля училась в школе, она была болезненной и постоянно нуждалась в таком лечении, какого ей в Свердловске предоставить не могли. Только старшая дочь Барсуковых 24-летняя Лидия, вышедшая замуж за военврача, жила на Дальнем Востоке. Да и кто, положа руку на сердце, уезжал когда-нибудь без принуждения из Москвы в провинцию. Если и уезжал, то лишь на время. Жила, например, в Москве и не собиралась ее покидать жена профессора Уральского геологоразведочного института Н. А. Шадлуна, хотя в Свердловске был не только муж, но и дочь Татьяна, учившаяся в УГРИ. И Федор Павлович не намеревался надолго оставаться на Урале. Этому завидовал Л. А. Лазарев (Л. А. Лазарев – ученый секретарь геологической выставки. – В. Ф.), проходивший свидетелем по его делу, однажды он желчно сообщил следователю слова, якобы сказанные Барсуковым: вот создам геовыставку, получу благодарность и тогда уеду в Москву [7].

Федор Павлович жил не только один. «Я жил одиноко, – исповедовался он следователю, – без знакомств и встреч, всецело отдавшись только работе и учебе. Я не знал ни «правых», ни «левых», не имел никакого понятия и даже слухов о их гнусном подполье. У меня было две задачи: стать квалифицированным специалистом и создать крупный центр технической культуры для тяжелой промышленности Урала. Я учился в институте хозяйственников по горному отделению по цветным и драгоценным металлам и сдал на отлично директорский техминимум по горно-геологическому циклу, который давал мне право на директорство» [8].

Вероятно, лишь в воскресенье ослабевало для него бремя работы, иссякал поток посетителей, просителей, приказов, справок, распоряжений, умолкал телефон. В воскресные дни ослабевали напряжения минувшей недели, воля слабла, ум терял ясность, чувства – остроту, и в его недельном рабочем цикле наступала благо-

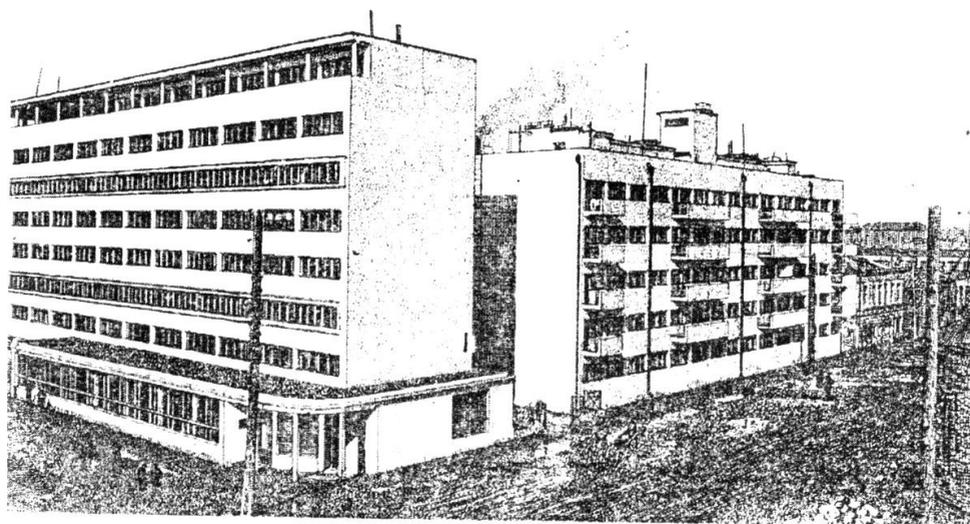

Фото 2. Жилой дом треста «Геопромурал». 1933 г.

датная пауза, которой коварно, как троянским конем, воспользовались «энквэдэшники».

В тот же злополучный день 29 марта на двух первых страницах в газете «Уральский рабочий» был напечатан доклад И. В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистов и иных двурушников», сделанный им еще 3 марта на Пленуме ЦК ВКП(б). Время публикации доклада генсека и арест Барсукова совпали случайно, но вот между докладом и арестом связь была прямая. Арест явился следствием доклада, содержание которого с талантливым лаконизмом отражено в названиях его разделов: «Политическая беспечность» коммунистов в условиях «Капиталистического окружения» способствует развитию «Современного троцкизма», который, используя «Теневые стороны хозяйственных успехов», стремится уничтожить социализм и «Наши задачи» заключаются, обращаясь к названию доклада, в «ликвидации троцкистов и иных двурушников». Одним из таких «двурушников» и стал Ф. П. Барсуков.

День для него померк и казался расчерченной на прямоугольнички тюремной решеткой. Для тех же, кто еще не был причислен к врагам народа и оставался на свободе, это был обычный день, с обычными заботами, разбавленными городскими новостями. Свердловчане рассказывали друг другу о том, что база КОГИЗа получила 240 комплектов граммофонных пластинок с докладом Сталина о проекте Конституции. Удастся ли вот только купить? Уж очень много желающих. А в апреле начнется реконструкция железнодорожного вокзала и у него надстроят еще один этаж. Пора бы. Старые залы совсем стали тесными. Гидрометслужба только высказала прогноз о бурном таянии снега в верховьях Камы и Туры, а в теплицах Березовского золотопродснаба уже сняли первый урожай огурцов. Ну, их-то и увидеть не придется, сетовали горожане. Они и до прилавка не дойдут. В архиве Горсовета обнаружили змею, оказавшуюся ужом, переползшим месяца два назад из соседних помещений областного музея. Обезумевшие от страха архивариусы убили беднягу. Какой ужас! Модницы начали борьбу с веснушками. «Лучшее средство для уничтожения веснушек – крем “Метаморфоза”. Требуйте всюду!» – назойливо шумела реклама.

Следственное дело – это летопись арестанта, скорбная повесть его тюремных лет, повесть с прологом – постановлением об аресте, главами – протоколами допросов, очных ставок и двумя эпилогами: первый – в виде обвинительного заключения, которое ему зачитывают, второй – в виде справки о реабилитации, которую ему чаще всего не доводится получить, ее вручают без извинения за совершенное государством бессмысленное насилие и надругательство родственникам, уцелевшим после репрессий.

Сержант, приходивший с конвоиром за Ф. П. Барсуковым, дал ему, вероятно, прочесть справку об аресте. Документ этот невелик, всего с тетрадный листок, но сколько в нем было заключено жестокости и беспощадности. Он словно топор палача рассек жизнь Барсукова надвое. На его сверкающем лезвии Федор Павлович прочитал, и кто на него написал до-

нос, и в чем он обвиняется, и какая его ожидает кара. И все это до суда. Презумпции невиновности в то время не было.

Доносы на него заставили написать двух сослуживцев. С одним из них он работал в Президиуме Уральского филиала Академии наук, вторым был партторг Дома Техники. Назвать их имена не могу. Хотя с тех пор прошло уже более 80 лет, архивная тайна исповеди все еще распространяется на доносчиков и осведомителей. Но оба доносчика были по-своему людьми несчастными. Тот, с кем Ф. П. Барсуков работал в УФАНе, уже находился под следствием, и выбить из него показания на любого человека было несложно. А партторга обязывала доносить партийная дисциплина. Попробовал бы он этого не сделать.

Гражданин Барсуков изобличался «как участник контрреволюционной организации правых, созданной Н. И. Бухариным в Уральском филиале Академии наук. Для контрреволюционной работы в УФАНе Барсуков был направлен по настоянию и рекомендации Н. И. Бухарина, работавшего в то время начальником Техпропа НКТП». А чтобы еще более утяжелить вину, следователь к вышесказанному добавил: «Кроме того имеются указания на организационные контрреволюционные связи Барсукова с Мрачковским и Белобородовым» [9].

За подобные преступления, независимо от того, какими они были, действительными или мнимыми, привлекали к уголовной ответственности по 58-й статье УК РСФСР, у которой было много юридических «цветов и оттенков». Ф. П. Барсуков подлежал «аресту и привлечению к уголовной ответственности по ст. 58-10, ч. I, и 58-11». Сейчас только специалисты знают, о чем гласит эта статья. Поэтому приведу извлечения из ее текста не столько как историческую экзотику, сколько для того, чтобы показать облыжность и фальсифицированность выдвинутых против него обвинений:

«58¹⁰. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...

58¹¹. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения ... преступлений ...» [10].

Трагедия Ф. П. Барсукова стала лишь малой частью всеобщей трагедии, подмостками для которой была вся страна, а ее автором и режиссером – Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин. Суть трагедии и ее движитель – это борьба за власть между «любимцем партии» Н. И. Бухариным, как его называл В. И. Ленин, и И. В. Сталиным. Н. И. Бухарин борьбу проиграл еще в 1929 г., и вот спустя восемь лет И. В. Сталин, укрепив свое властное положение, решил окончательно расправиться со своим соперником. Н. И. Бухарина и бывшего председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. И. Рыкова арестовали на заседании Пленума ЦК 27 февраля и увезли в тюрьму на Лубянку. Более года следователи готовили их к большому показатель-

ному политическому процессу, после которого оба 13 марта 1938 г. были расстреляны. По слухам, оба «умерли с проклятиями Сталину на устах. Умерли стоя, не ползая по полу подвала и не умоляя с рыданиями о пощаде» [11, 14].

Готовя «Большой процесс», И. В. Сталин задумал показать миру, какую гигантскую угрозу для партии и будущего страны представляли Н. И. Бухарин и его единомышленники, что это была не группка оппозиционеров, а целая организация. Поэтому «усилиями Ежова и Фриновского» была создана легенда о широком контрреволюционном заговоре «правых» во главе с Бухариным. Одновременно на места полетели директивы ЦК о повышении политической бдительности, призывавшие усилить поиск «врагов народа» [12]. Одним из таких «врагов народа», статистом в сталинской пьесе, сделали и Ф. П. Барсукова.

Первый допрос – первая глава тюремной летописи – была написана 2 апреля. И пошли допрос за допросом, очные ставки, показания свидетелей, заявления подсудимого. И на протяжении всего следствия, а последние показания Федор Павлович дал 14 ноября, тупой рефрен настойчивых и однообразных вопросов следователя: «Расскажите о Вашей контрреволюционной деятельности, в чем она заключалась? К какой контрреволюционной организации Вы принадлежите?» – так и не зазвучал эхом победных звуков признания обвинений, словами раскаяния и просьбами о снисхождении и помиловании. Следователь на этот раз оказался бессильным, ему не удалось сломить волю заключенного, поколебать его уверенность в собственной невиновности. «Я считаю обвинение меня в контрреволюции и контрреволюционных связях не верными, искусственными и ... категорически отвергаю [8] их», – втолковывал он раз за разом следователю. «Царица доказательств» так и не разомкнула уста. Федор Павлович и на суде 21 января 1938 г. не признал предъявленных ему обвинений. Судьи «оценили» достоинство, с которым он себя вел, «10 годами заключения в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества» [13]. На свободу он не вышел, умер в лагере в феврале 1942 г., умер раньше смерти, не дожив год до своего пятидесятилетия.

Родина Ф. П. Барсукова – древнейший Полоцк – город, основанный на перекрестке истории. В этом городе пересеклись пути «из варяг в греки» и из Европы в Азию; о нем упоминают скандинавские саги, его считают новгородской колонией. Великий Нестор записал в своей летописи, что в 862 г. «Рюрик раздал мужем свои грады, овому Полотск», ставший спустя столетие родиной дочери князя Рогворда княгини Рогнеды – жены крестителя Руси князя Владимира и матери Ярослава Мудрого; под стенами этого «града» насмерть бились немецкие рыцари и воины великого литовского князя Витеня, его осаждали полки Ивана IV Грозного и польского короля Стефана Батория, Наполеона и Кутузова. Но в XIX в. история проторила дороги в других местах, погрузив Полоцк в тихую уездную заводь. В год, когда родился Ф. П. Барсуков, в городе проживало чуть более 20 тыс. человек, почти вдвое меньше чем

в Екатеринбурге. О былом смешении здесь «рас, племен, народов» свидетельствовало лишь толерантное смешение вер. Под сводами многочисленных храмов с надеждой смотрели на лики своих богов православные и католики, единоверцы и раскольники, иудеи и лютеране, а в полтора десятках школ и училищ, частных и казенных, духовных и светских, учились их дети. Федор Павлович окончил реальное училище, хотя его отец, безземельный крестьянин, был всего лишь продавцом в винной лавке.

Как вихрь Гражданской войны забросил Ф. П. Барсукова на Урал, он подробно нигде не рассказывал. Только раз коротко и мимоходом обронил, что с 1918 по 1922 г. служил в Красной Армии завхозом в госпитале, а с 1922 г. стал работать на Урале. И все. Следователя такой ответ устроил вполне, поскольку его интересовали совсем другие дела и поступки заключенного. И Федор Павлович убеждался в этом с каждым допросом все больше и больше. Он понял, что следователь не хочет установить истину, что начальство поставило перед ним совершенно другую задачу: получить от арестованного признательные показания. Хотя упрямство Ф. П. Барсукова и злило следователя, он знал, что оправдательный приговор исключен при любых обстоятельствах, что судьба подсудимого уже давно решена. Но этого не ведал Ф. П. Барсуков. Он еще тешил себя надеждой, что сможет убедить следователя в своей невиновности, и потому передал ему 14 ноября многостраничное заявление, в котором подробно описал, чем он занимался на Урале и сколь значимой является его деятельность для развития промышленности региона.

Вот как изложил Федор Павлович «отдельные важнейшие факты своей общественной инициативы сверх обычных обязательств по работе»:

«В 1922–1926 гг., будучи заведующим коммерческим отделом Пермсоли (*трест. – В. Ф.*), я был одним из участников и инициаторов постановки и первой организации калийной проблемы. Познакомившись ... с Рязанцевым (*Н. П. Рязанцев – техник Соликамского солеваренного завода. – В. Ф.*) ..., я ободрился и рекомендовал начать ставить вопрос о богатствах калийных солей и добился в тресте (*Пермьсоль. – В. Ф.*) служебной записки об отпуске 50 000 руб. на бурение скважины на калиевые соли [15]. Переехав в Свердловск в 1923 г. (*Екатеринбург переименовали в Свердловск в 1924 г. – В. Ф.*), я все время будировал проведение вопросов по калию и после результатов бурения был ответственным секретарем Совета по калию при Облисполкоме (*Уральской области. – В. Ф.*). С 1927 г. был представителем Совета в Москве. Первый большой доклад об организации калийной промышленности я составил и послал в Обком (*ВКП(б). – В. Ф.*) и Облисполком. У меня имеется письмо Рязанцева о моей роли в калийном деле, мои статьи в «Уральском рабочем» и другие документальные данные. В 1926–1930 гг., когда я был торговым представителем при Облисполкоме в Москве, я принимал участие в постановке и разработке проблем развития Урала... Мои статьи о развитии химического Урала были помещены в «Известиях» и «Торгово-промышленной газете» в 1928–1929 гг. Там впервые в печати были выдвинуты идеи Березниковского химкомбината, и в более широких размерах, чем это было принято» [16].

Рассказывая о результатах работы на Урале в 1920-е гг., Федор Павлович преувеличил свою роль в решении калийной проблемы. Он был только одним из многих, кто ею занимался, или, как он выразился, «будировал» ее. Но не он определял политику в разведке и эксплуатации Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей и в создании на его базе отечественной химической промышленности. Эти масштабные государственные задачи решали иные люди: первооткрыватель месторождения профессор П. И. Преображенский, академик Н. С. Курнаков, крупный специалист по геологии калийных месторождений профессор Н. А. Шадлун и многие другие. Встать вровень с ними он не мог. Между знаниями этих выпускников Петербургского горного института, помноженными на опыт многолетней научной и практической работы, и знаниями выпускника провинциального реального училища была пропасть. На ее дне он так бы и стоял, если бы природа не одарила его подвижным характером, наблюдательным и вопрошающим умом и способностью учиться без принуждения. «Я рос на работе, – вспоминал он, – усиленно занимался самообразованием и моя инициатива, преданное отношение к делу и успехи в работе выдвигали меня. За период 1923–1926 гг. я зарекомендовал себя участием в работе общественных организаций: Совета синдикатов, арбитража, по калийной проблеме, своими выступлениями в печати. В Московское представительство был назначен, в частности, для проведения вопросов калийного дела, как энтузиаст калийной проблемы» [17].

В преувеличения, как во все тяжкие, он пустился не просто так, а от отчаяния. Он попытался ухватиться за них подобно утопающему, который хватается за соломинку, в надежде избежать гибели. В ситуациях, подобных той, в которой находился Ф. П. Барсуков, люди, чтобы спасти себя, шли на предательства, подлоги, оговоры и лжесвидетельствования. Он не сделал ни того, ни другого, ни третьего. Повернется ли у кого-нибудь язык назвать барсуковские преувеличения грехом? Вряд ли.

В 1930 г. Московское торгпредство было ликвидировано. Ф. П. Барсуков без работы не остался, поскольку к этому времени он «уже был работником, зарекомендовавшим себя ..., которого знали многие работники и организации» [16]. С 1931 г. он стал работать в научно-исследовательском секторе Уралоблсовнархоза, «застав там вредителя Соловова» [16].

Реплика о «вредителе Соловова», собрате по несчастью, очень злая. У Федора Павловича не было никакой необходимости так жестоко и несправедливо отзываться о Михаиле Александровиче Соловова – ответственном работнике Уралоблсовнархоза, курировавшем научно-исследовательские институты. В чем же, по мнению Ф. П. Барсукова, заключалось «вредительство» М. А. Соловова? В полном развале отраслевых институтов. Но разваливать можно то, что создано. О состоянии уральских отраслевых НИИ так, по словам М. А. Соловова, высказался в феврале 1929 г. профессор Уральского политехнического института А. Е. Маковецкий: «Научно-исследовательская работа

на Урале ... еще плохо организована и увязана с промышленностью ... работают пока только ... Институт цветных металлов и прикладной минералогии, Институт черных металлов, Лесной, начинает работать Механообр (*Научно-исследовательский институт механического обогащения полезных ископаемых.* – В. Ф.), но все эти институты ... являются пока лабораториями» [17]. Выходит, разваливать было нечего. Все еще находилось в сладостных конвульсиях зачатия и муках рождения.

Михаил Александрович также стал жертвой политического мифотворчества, но значительно раньше Ф. П. Барсукова. Его арестовали 9 ноября 1930 г., сразу после возвращения с многодневной охоты и обвинили в причастности к контрреволюционной вредительской организации специалистов, к так называемому Уральскому инженерному центру Промпартии. Не суд, а коллегия ОГПУ приговорила его 8 февраля 1931 г. к «расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет» [18].

Так что ко времени следствия над Ф. П. Барсуковым следователи уже забыли, кто такой Соловов и в чем его обвиняли шесть лет тому назад. Сколько за эти годы утекло, как воды, и заключенных, и следователей, не счесть.

Федор Павлович работником был превосходным, мыслившим широко и перспективно. Возглавив работу НИСа, он, по его словам, «разработал и выдвинул тематический и организационный план развития научно-исследовательской работы на Урале, который в основном был принят и осуществлен на основе приказа ВСНХ (см. мои брошюры, статьи в «Уральском рабочем», решения Совнархоза и ВСНХ)» [19].

Вопросами планирования и развития отраслевой науки в то время занималось Научно-техническое управление ВСНХ, которым руководил Н. И. Бухарин, свергнутый с партийного олимпа на XVI съезде ВКП(б). Тогда, летом 1930 г., И. В. Сталин не захотел расправиться с ним, сохранив про запас. Николаю Ивановичу оставили его рабочий кабинет, прежних помощников и секретарей, квартиру в Кремле и даже избрали в члены ЦК. Годом ранее он стал действительным членом Академии наук по гуманитарному отделению. При голосовании его поддержали две трети академиков, «прокатив» почти всех баллотировавшихся вместе с ним видных партийных деятелей. В 1932 г. Н. И. Бухарин возглавил Институт истории науки и техники; с 1933 по 1936 г. редактировал журнал «Архивы истории науки и техники»; летом 1931 г. ездил в Лондон на II Международный конгресс по истории науки и техники, делал доклад, вызвавший большой интерес, навестил по поручению Сталина в Кембридже П. Л. Капицу, жившего там с 1921 г., уговаривал вернуться на родину, суля золотые горы. Одновременно он продолжал работать в ВСНХ, а когда в 1932 г. этот хозяйственный орган ликвидировали, то стал заведовать Центральным научно-исследовательским сектором в Наркомате тяжелой промышленности. Должность небольшая для такого человека, но Н. И. Бухарин скоро занял в Наркомате видное положение, поддержав Г. К. Орджоникидзе в разработке более сбалансиро-

рованного варианта второго пятилетнего плана. Н. И. Бухарин был назначен членом коллегии Наркомата и комиссии по разработке пятилетнего плана, нарком доверял ему ведение различных заседаний во время своего отсутствия.

Так, благодаря служебным положениям Н. И. Бухарина и Ф. П. Барсукова, пересеклись их жизненные пути. Отправь Сталин Бухарина в «ссылку» не в ВСНХ, а в какое-то другое место, может быть, судьба Барсукова сложилась бы не столь трагично. Может быть?

«Мое знакомство с Бухариным, – вспоминал Федор Павлович, – произошло в 1931 г. во время конференции по планированию науки, когда я сам подошел к Бухарину и просил собрать специальное собрание московских и ленинградских институтов и Академии наук, чтобы повернуть их тематику коренным образом к Уралу. Бухарин такое совещание назначил и на нем я делал доклад. После этого я встречался у него на приемах по 10–15 мин. около 10–12 раз и всегда в присутствии посторонних лиц. Я обращался к Бухарину или за подписью какого-либо письма о содействии институтам, или с проектами распоряжений ... о разрешении той или другой проблемы в Главках» [20].

Федор Павлович умышленно слухавил, написав в заявлении, что его служебные встречи с Н. И. Бухариным были краткими и заключались только в подписании документов. На самом деле это было не так. Отношения между ними, людьми общительными, деятельными, увлеченными идеями применения науки для «расширения производственных возможностей» и постановки дела «научного исследования и его практического приложения на самую широкую ногу» [21], были теснее, разнообразнее и плодотворнее. Более того, Ф. П. Барсуков обращался к Н. И. Бухарину и с личными просьбами. На первом допросе он рассказал следователю, что по согласованию с Николаем Ивановичем он устроил в ЦНИС свою жену делопроизводителем, а позже она стала работать техническим секретарем сектора. Следователь, грубо искажив этот факт, написал в обвинительном заключении, что «жена Барсукова работала личным секретарем у Бухарина» [22]. А в 1932 г. Федор Павлович, встретив «затруднение в своем стремлении вступить в партию, обратился к ... (Бухарину. – В. Ф.) как члену ЦК партии за содействием» [20]. Надоумил же его обратиться к Н. И. Бухарину уполномоченный ленинградского отделения НИСа НКТП Тихомиров. Порог бухаринского кабинета он тогда переступил вместе с молодым талантливым ученым, профессором Ленинградского физико-технического института Д. Л. Талмудом** [23], которого увлекал идеей создания на Урале «крупного теоретического центра научного характера – физико-технического института».

Заручиться рекомендацией «одного из вождей ВКП(б) и Коммунистического Интернационала, ..., одного из руководящих участников Октябрьской революции, выдающегося теоретика коммунизма, экономиста и социолога» [25] была большая честь. Николай Иванович сперва согласился дать рекомендацию, но при повторном напоминании о ней отказал. Ф. П. Барсуков обиделся, теряясь в догадках о причинах отказа. Причина была простой. Н. И. Бухарин, возможно, догадывался, какой ему уготован конец, хотя до него было еще шесть лет, не захотел, чтобы его личная трагедия повлекла за собой трагедию случайного «спутника». Поэтому он постарался оттолкнуть от себя ничего не понявшего Ф. П. Барсукова. Но это все равно его не спасло.

Федор Павлович не оставил попыток стать членом ВКП(б), чтобы, как он выражался, «активизировать свою работу». Поскольку отлично знал, что без членства в партии ему, возможно, не удастся высоко подняться по служебной лестнице. А он очень стремился к этому и не скрывал честолюбивых замыслов. «Мои инициативы и успехи, – писал он, – сделали меня известным в ВСНХ и Академии наук и ряду крупных профессоров и инженеров. Я выдвинул идею децентрализации науки и организации Уральского филиала АН. Ездил в Академию наук с делегацией ученых, выступал на сессии (см. Труды сессии), добился решения об ... выездной сессии Академии наук на Урале, добился решения о Филиале на Урале и приезде сюда делегации академиков. В Деловом клубе (в Свердловске. – В. Ф.) принимал академиков Ферсмана и Курнакова, делал доклад о филиале и стал известен Академии наук как энтузиаст науки» [26]. Но добиться ему удалось немногого. В 1935 г. он стал всего лишь сочувствующим, чем-то вроде партийного послушника, готовящегося принять постриг.

Известность как трамплин перебросила Ф. П. Барсукова из Свердловска в Ленинград, куда он был приглашен на работу в 1932 г. по «ходатайству уполномоченного НИСа ... гражданина Тихомирова по телеграмме Зискинда – зам. начальника НИСа Наркомтяжпрома, т. е. заместителя Н. И. Бухарина» [27]. В конце того же года Тихомиров уехал в Москву, предположительно заместителем Н. И. Бухарина. Следом собирался перевестись в Центральный НИС и Федор Павлович, рассчитывавший занять должность начальника планового отдела сектора. Но на этот раз фортуна не улыбнулась ему, а нахально показала язык. «Неожиданно Бухарин отказал Тихомирову в замеществе ..., а мне, – вспоминал Ф. П. Барсуков, – предложили второстепенную работу, и материально я был поставлен в неудовлетворительные условия ... Я сделал вывод, что нужно уходить» [28]. Куда? Вопрос этот разрешился скоро. Известность опять поспособствовала найти место работы. «Встретил в это время я акад.

*Личный секретариат Н. И. Бухарина возглавлял Ефим Цейтлин, один из основателей и руководителей комсомола, ученик и последователь «бухаринской школы» и один из редакторов газеты «Правда». В середине 1930-х гг. он вместе с Л. Авербахом был выслан в Свердловск, работал на Уралмаше, дружил с сыном Чан Кайши Цзян Цзинго, будущим президентом Тайваня [23]. Ученики Н. И. Бухарина, в том числе и Е. Цейтлин, «выдерживая ссылку и чудовищное давление, ... подражали Бухарину в его вызывающем неповиновении, отказываясь от встречи с ним и от своих антисталинских взглядов» [24]. Все они, за исключением В. Астрова, погибли.

**Талмуд Давид Львович (1900–1973) – физик, специалист в области поверхностных явлений и коллоидной химии, член-корреспондент АН СССР (1934), лауреат Сталинской премии (1943).

Ферсмана, – рассказывал Федор Павлович, – который был директором Уральского филиала АН. Он мне предложил ехать в филиал ..., указав на слабость работы филиала. Он обещал поговорить с Кабаковым (*И. Д. Кабаков тогда был секретарем Уралобкома ВКП(б), репрессирован в 1937 г. – В. Ф.*). Через несколько дней Кабаков позвонил Ферсману о согласии на перевод. ... Встретив в это время Бухарина, я поставил перед ним вопрос о своем желании ехать в Свердловск. Бухарин выразил согласие и дал ... телеграмму в Обком. Таким образом, я был выдвинут на основную работу» [28] в Уральское отделение ЦНИСа в качестве уполномоченного Наркомтяжпрома, став еще одновременно по совместительству по назначению Президиума Академии наук заместителем директора УФАНа по организационной работе.

Итак, Федор Павлович, смилив гордыню и амбициозное честолюбие, оставил семью в Москве и уехал на Урал. Но его жизненный путь отнюдь не напоминал бесплодное движение по кругу. В Свердловск он вернулся не тем, кем уехал из него несколько лет назад. За прошедшие годы вырос и окреп не только его общественный и служебный статус. Общение с московской и ленинградской академической и номенклатурной элитой обогатило его интеллектуально и расширило кругозор. Особенно сильное влияние на него оказал Н. И. Бухарин, занимавшийся методологическими и теоретическими проблемами планирования научных исследований. Стивен Коэн, характеризуя эту сторону его деятельности, писал, что Н. И. Бухарин, «будучи руководителем исследований в области промышленности, ..., организовывал новые научно-исследовательские учреждения, число которых неизмеримо возросло в начале 30-х годов ... В этот период в Советском Союзе впервые в мире была сделана попытка ввести планирование научных исследований и разработок, значение которого теперь признают повсеместно. Бухарин сыграл ведущую роль в этом новаторском предприятии ...» [29].

Но правила игры, невольным участником которой сделали Ф. П. Барсукова, заставляли его скрывать при-

язненное отношение к некогда партийному кумиру. На допросах он как Сизиф катил и катил слова-камни, чтобы возвести из них охранную стену между собой и Н. И. Бухариным: «Никогда я не восхвалял Бухарина как политического деятеля и человека и никому не заявлял, что являюсь его ставленником» [30]. Все напрасно. Произносимые им слова падали в глухую пустоту, уходили водой в песок, бесприютно летели осенней листвой мимо сидевшего напротив с остекленным взглядом следователя. А он повторял и повторял их, механически и монотонно, как совершает круг за кругом рудничная лошадь на водоотливе, ослепшая и оглохшая, пока не упадет, испустив последний вздох.

Траектория жизни Ф. П. Барсукова на Урале, если изобразить ее графически, подобна фрагменту восходящей спирали, лопнувшей в 37-м году, осколки которой сразили его и легли листами документов в папку следственного дела. Следователь, заполняя страницу за страницей протоколы допросов, вряд ли задумывался, что когда-нибудь его писанина, вопросы, которые он задавал, ответы на них будут лишены охранного грифа секретности и станут доступными для изучения, анализа и сопоставления с документами различных архивов. И тогда откроется истина о том, как был несправедливо засужен и доведен до гибели совершенно безвинный человек, а на следователя пусть и был он всего лишь исполнителем чьей-то злой воли, падет клеймо вечного грешника.

Текст обвинительного заключения по делу Ф. П. Барсукова уложился в три неполные странички [31]. Но чтобы его написать, «врид. нач. 6 отделения 4 отдела сержанту государственной безопасности Бойцову» пришлось попотеть. Не только потому, что был он малограмотен. Главная трудность заключалась в другом: обвинять Ф. П. Барсукова, по существу, было не в чем. Написать такое сержант не смел. Иначе его бы убийственно хлестанул окрик: «Ты что, сукин сын, врага народа выгораживаешь. Да тебя за это расстрелять надо!» Вот он и старался изо всех сил, солгав, что жена Барсукова была личным секретарем Бухарина, а сам Барсуков «яв-

Фото 3. Уральский геологический музей. 1937 г.

лялся активным участником контрреволюционной террористической организации правых, осуществивших 1/ХП-1934 года злодейское убийство т. С. М. Кирова». Тем, кто утверждал обвинительное заключение, первая ложь понравилась, и ее оставили в тексте, а вторую даже эти, поднаторевшие в фальсифицировании фактов люди, сочли все-таки ложью и вычеркнули.

В чем же конкретно, в конце концов, обвинили Федора Павловича? Во-первых, в том, что он «с контрреволюционной вредительской целью пытался ликвидировать УФАН и свернуть научные работы на Урале»; во-вторых, в том, что «подготовил выпуск к печати “Молотовский сборник”, в котором популяризовались троцкисты и прочий к-р элемент». И все. Не очень много. Но тем не менее, анонсированную в справке об аресте статью 58-10 заменили более суровыми: 17-58-8 и 58-11, согласно которым, Федор Павлович был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 января 1938 г. к «10 годам тюремного заключения, с поражением в политических правах на 5 лет, с конфискацией всего личного имущества» [32].

Спустя 19 лет, 5 месяцев и 4 дня та же Военная коллегия Верховного Суда СССР определила: «Приговор

Военной коллегии Верховного Суда СССР от 21-го января 1938 года в отношении БАРСУКОВА Федора Павловича отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления» [33]. Но некому было получить справку о реабилитации незаконно и безвинно осужденного Федора Павловича Барсукова.

Вот и вся короткая и трагическая «юридическая новелла» уроженца старинного города Полоцка Федора Павловича Барсукова. Неизвестно, где его могила; его бранные останки уже давно неотличимы от земли, в которую было брошено его тело. Но живы результаты его трудов: существует созданный им Уральский Дом Техники, всемирную известность получил Уральский геологический музей (фото 3). Уральский филиал АН СССР, организацией которого он занимался [34–37], развился из трех институтов в 1932 г. ныне в Уральское отделение РАН с 66 институтами, отделениями, лабораториями и центрами. Так что не зря жил Федор Павлович – новатор, организатор и подвижник планирования научно-технических исследований в СССР. Тем он и будет памятен людям ныне, присно, и во веки веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филатов В. В. История создания Уральского геологического музея. Екатеринбург, 1998. 101 с.
2. Филатов В. В. Минералогическая Мекка Урала // Стрела времени. Екатеринбург: Изд-во УГГГА, 2002. С. 175–293.
3. История создания и становления Уральского геологического музея / В. В. Филатов [и др.]. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. 276 с.
4. Архив Уральского геологического музея. Т. VI, л. 1.
5. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО), ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 96.
6. Рапопорт М. С., Комарский В. Я., Филатов В. В. Творцы уральской геологии. Екатеринбург: КИР по Свердловской области, ОАО «Уральская геологосъемочная экспедиция», 2000. 221 с.
7. Филатов В. В. Вершина Дидковского // Тайны Каменного пояса. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2008. С. 84–103.
8. ГААОСО, ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 14.
9. Лавренев Б. А. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. - М.: Художественная литература, 1972, С. 281.
10. ГААОСО, ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 76.
11. Там же, л. 102.
12. Там же, л. 1.
13. Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М.: Республика, 1992. 480 с.
14. Козн С. Бухарин: политическая биография. 1888–1938 / пер. с англ. 2-е изд. М.: Прогресс-Академия, 1992. 450 с.
15. Кун М. Указ. соч. С. 372.
16. ГААОСО, ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 116.
17. Филатов В. В. Соль земли // Известия вузов. Горный журнал. 1995. № 6. С. 193–199.
18. Чирвинский Н. П. Как были открыты калиевые соли в Соликамске // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1944. № 1. С. 114–115.
19. ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 43927, т. 2, л. 91.
20. Там же, л. 94–95.
21. Там же, л. 408.
22. Там же, ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 92.
23. Там же, л. 90а.
24. Кун М. Указ. соч. С. 316.
25. ГААОСО, ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 108.
26. Джапаков А. М. Уральские корни президента Тайваня // Урал. 2002. № 7. С. 177–189.
27. Козн С. Указ. соч. С. 401.
28. Большая Советская Энциклопедия. Т. 8. М.: АО «Советская энциклопедия», 1927. Ст. 271.
29. ГААОСО, ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 97.
30. Там же, л. 12.
31. Там же, л. 98.
32. Козн С. Указ. соч. С. 420.
33. ГААОСО, ф. НД-КН. Д1, оп. 2, д. 22703, л. 91.
34. Там же, л. 108–110.
35. Там же, л. 120.
36. Там же, л. 121.
37. Колосова Е. Н., Филатов В. В. К истории создания Уральского филиала АН СССР (1932–1939). Неюбилейные заметки // Уральский геологический журнал. 2007. № 4(58). С. 1–123.

Статья поступила в редакцию 27 марта 2023 года